

*К столетию академика Бориса Павловича Константинова*

**Людмила Колесникова**

**История создания книги «Б. П. Константинов, воспоминания,  
статьи, документы»**

Эссе, которое я собираюсь предложить читателям, имеет свою предысторию... Ровно четверть века тому назад в Ленинградском отделении издательства «Наука» вышла книга об академике Борисе Павловиче Константинове. В нее вошли воспоминания, статьи и документы, подобранные таким образом, чтобы наиболее полно предстал перед читателем многогранный образ ученого и организатора науки. Работа в архивах с огромным количеством документов, встречи с интереснейшими людьми, интервью... Девять лет в общей сложности заняла у меня эта увлекательная деятельность. Подготовить книгу к изданию помогали Антонина Васильевна Зайцева – секретарь-референт академика Б. П. Константинова в его бытность вице-президентом Академии наук СССР; Виктор Яковлевич Френкель – историк науки, доктор физико-математических наук. Создателями и составителями были определены достаточно жесткие рамки, отвечающие назначению книги. Но сколько осталось «за кадром» интересного, чем хочется поделиться...

\*\*\*

Можно сказать, что я попала в ядерный институт случайно. Журналиста по образованию, меня пригласили в 1974 году создавать научный архив. Дело, которым предлагали заниматься, для меня было совсем новым, но я понимала, что именно в архиве, этом кладезе подлинных документов, и собирается вся информация об ученых института, о которых мне предстояло писать журналистские материалы.

Прежде всего меня заинтересовала личность академика Константинова. Что мне было известно о Борисе Павловиче, когда я приступила к работе над будущей книгой? Что это за человек? Чем знаменит ученый, чье имя носит солидный академический институт (а сейчас в Гатчине есть и улица имени академика Константинова)? Академик, Герой Социалистического Труда. Относился к категории секретных физиков...

Не так много прошло времени после кончины Бориса Павловича (он умер 9 июля 1969 года в Ленинграде в возрасте 59 лет), еще были живы его родные, друзья и ученики. Вот к ним прежде всего я и обратилась с просьбой написать воспоминания о Константинове. Надо сказать, все, к кому обращалась, реагировали на просьбу немедленно. Воспоминания из-под пера друзей и коллег Бориса Павловича выходили теплые и доброжелательные.

Также пришлось обратиться в учреждения, где начиналась трудовая деятельность ученого. В архиве Физико-технического института (ФТИ), где Константинов работал под руководством академика А. Ф. Иоффе, получила его личное дело, в архиве Политехнического института – здесь профессор Константинов преподавал на кафедре разделения изотопов – тоже нашлись его документы. Собранное полное личное дело Бориса Павловича стала внимательно изучать. Передо мной от страницы к странице представала незаурядная личность крупного ученого, замечательного человека. У меня в итоге накапливался уникальный фактический материал.

Из его автобиографии я узнала о большой семье Константиновых: братьях и сестрах, родителях, детях Бориса Павловича.

Константинов вырос в многодетной семье, что было типично для крестьян или выходцев из крестьян, переселившихся в город. Отец Бориса Павловича, Павел Федосеевич Константинов, родился в 1874 году в деревне Монаково, что в Галичском районе Костромской области, в одном километре от станции Красильниково Северной железной дороги.

В возрасте четырнадцати лет Павел Федосеевич, как и многие его земляки, уехал в Петербург и начал трудовую деятельность в качестве ученика маляра. В девятнадцать женился на землячке, семнадцатилетней Агриппине Петровне Смирновой, родом из расположенной неподалеку от Галича деревни Апушкино. Родители девушки по каким-то соображениям препятствовали браку, и молодым людям пришлось проявить волю и настойчивость – невеста даже пригрозила, что уйдет в монастырь! Это звучало очень правдоподобно: монастырей в округе было много, а одна из ее сестер уже стала монахиней.

Угроза возымела действие: Павел Федосеевич и Агриппина Петровна с согласия родителей обвенчались и уехали в Петербург. В ноябре 1895 года у молодой четы родился первенец – Александр. Пять лет спустя родился младший сын, Борис.

\*\*\*

Я продолжала собирать материал для будущей книги. Меня, как эстафетную палочку, коллеги Константинова передавали друг другу, желая раскрыть предо мной все многообразие личности ученого. Конечно, очень многое в этом плане сделала Антонина Васильевна Зайцева (многолетний референт Бориса Павловича).

Впервые я увидела ее в роскошном кабинете-приемной, в главном здании Академии наук, что на Ленинском проспекте в Москве. Антонина Васильевна восседала, словно на троне, в глубоком кресле, обитом вишневым бархатом. Гордо посаженная седая голова, легкий пастельных тонов шифоновый шарф, через плечо на позолоченном шнуре вышитая бисером изящная сумочка, из которой Антонина Васильевна доставала то тончайший батистовый носовой платок, пахнущий французскими духами, то

блестящую ручку с золотым пером. Все это она проделывала очень четко, параллельно отвечая на многочисленные звонки.

– Сегодня я познакомлю вас с Яковом Борисовичем Зельдовичем, – однажды торжественно произнесла Антонина Васильевна. – Через несколько минут сюда придут мальчики.

Так Антонина Васильевна фамильярно называла академиков...

Я сидела напротив приемной на удобном диванчике и ждала своей очереди. Ждать пришлось недолго. Через пятнадцать минут в приемную стремительно влетел академик Зельдович.

– Яшенька, – обратилась к нему Антонина Васильевна. – У меня тут журналистка из Ленинграда, она собирает материал для книги о Борисе Павловиче. Помогите ей, расскажите о ваших отношениях и дружбе с Бэ Пэ.

Яков Борисович, на мгновение задумавшись, внимательно посмотрел на меня и произнес, энергично потирая ладони:

– На ловца и зверь бежит! Моя Варвара Павловна ногу сломала, скучает дома. Она вам подробнейшим образом расскажет о брате, даже лучше, чем я. Приезжайте к нам на Воробьевское шоссе.

Позже я узнала, что академик Зельдович, крупный ученый, трижды удостоенный звания Героя Социалистического Труда, был женат на средней сестре Бориса Павловича Константинова, Варваре Павловне.

Уже через час после этой встречи я поднималась по деревянной лестнице академического коттеджа на второй этаж, к квартире Зельдовичей. Варвара Павловна сразу провела в просторную светлую комнату: в центре стол под белой скатертью, в углу старый диван, у окна большой фикус в кадке, на стене обычная школьная классная доска с какими-то краткими записями мелом. Вот и вся обстановка.

Яков Борисович появился в квартире так же стремительно, как и в президиуме на Ленинском проспекте. Со мной поздоровался очень доброжелательно, как со старой знакомой.

– Варюша, – обратился он к жене. – Что у нас сегодня на обед?

– Твое любимое!

– Значит, будет гречневая каша с маслом и репчатым луком!

Мы расположились на кухне. Заканчивая обед, Яков Борисович сказал: «Запомните обед у академика!» Я запомнила.

Мы вновь вернулись в комнату. Яков Борисович на маленьком подносе вынес из кухни чашки с кофе и печенье. Достав диктофон, я приготовилась записывать нашу беседу. Могла ли я тогда предположить, что наша встреча с Варварой Павловной станет последней? Через месяц она уехала отдыхать к Черному морю. Там, на пляже, у нее случился сердечный приступ.

\*\*\*

Уже после смерти жены Яков Борисович обратился ко мне с просьбой передать ему расшифровку нашей беседы. Я выполнила его просьбу. Это

воспоминание Варвары Павловны вошло в книгу под заголовком «Мой брат Борис».

«Родился Борис Павлович в Петербурге, а в 1918 году наша семья уехала в деревню в Костромскую губернию, где мы и жили до 1924 года. Учился он в Галиче – это в восемнадцати километрах от нашей деревни. Мы с братом Борисом были очень дружны еще до школы. Когда переезжали в деревню, взяли с собой много книг – исторические романы и Диккенса, и всегда читали их вместе.

Мы, дети, очень любили играть. Устраивали, например, из стульев нехитрое сооружение и «летали» на Солнце, «отрезали» от него кусочек.

У родителей было девять детей. Когда старшие брат и сестра обзавелись семьями, нас осталось семеро. Мы рано лишились отца. В семье у нас все дети с ранних лет были приучены трудиться. Мальчики выполняли мужскую работу. Борис, например, восьми лет уже косил, а мне выдавалась большая порция носков для штопки.

Все мы любили природу и особенно лес. На всю жизнь мне запомнился один яркий солнечный день, когда мы с Борисом лесной дорогой возвращались из школы домой в деревню. Восемнадцать километров, которые нужно было пройти, мы шли целый день, собирая ягоды и цветы, и без умолку болтали – просто не могли наговориться. С самого детства Борис был чрезвычайно развитым. Он писал в школе прекрасные сочинения. Я, бывало, зачитывалась ими. У него постоянно рождалась масса идей. С ним всегда было интересно. Пришли мы домой только к вечеру. Нас ждал порядочный нагоняй: как раз в этот день начался покос, и маме пришлось договариваться, чтобы за нас кто-нибудь поработал.

Борис оказал очень большое влияние на мою творческую судьбу. После того как я окончила Ленинградский политехнический институт, он устраивал меня на работу в лабораторию акустики к Н. Н. Андрееву (где сам уже работал). Но я акустикой абсолютно не интересовалась, зато пошла работать в химфизику. Он простил мне эту измену.

Кстати сказать, Борис окончил школу в 15 лет, и в год окончания школы в институте у него просто отказались принять документы. Я же была старше и, пройдя по конкурсу, поступила. Несмотря на то, что Бориса не приняли, он занимался параллельно со мной: мы вместе разбирали и решали задачи, а поскольку он был серьезнее и гораздо способнее меня, то у него и дела шли намного лучше. Помню, когда мне в институте поручили сделать доклад на тему «Периодическая система и строение материи», Борис мне страшно завидовал: «Эх, Вавочка, как бы я сделал этот доклад!»

Еще не окончив Политехнический институт, Борис Павлович пошел работать. В те времена наличие диплома вуза решающей роли не играло. Талантливые молодые люди трудились, даже защищали диссертации, не имея институтского диплома. Наши с Борисом судьбы оказались тесно связанными с судьбой нашего старшего брата, Александра.

Помню, что в семье еще до первой мировой войны обсуждался вопрос, куда пойти старшему брату: в скобяную лавку учеником или в реальное училище. Было решено, что он пойдет в реальное училище, тем самым была определена и наша дальнейшая судьба. Брат Александр считал, что Борис из всех нас самый способный, поэтому он принимал немало усилий, чтобы Борис оказался в Ленинграде, а затем в радиофизической лаборатории в ФТИ, в которой он сам уже работал».

\*\*\*

Вручил мне свой текст воспоминаний и Яков Борисович. Его заметки «Памяти друга» были написаны азартно, я бы сказала, страстно, как, впрочем, все, к чему прикасался академик Зельдович.

«Борис Павлович Константинов. Академик, директор Ленинградского физико-технического института (1957–1967 гг.). Герой Социалистического Труда... Бронзовый бюст перед входом в институт. Для меня он навсегда остался другом, родным – просто Борисом, братом моей первой жены, для моих детей добрым «дядей Борей». Тот, кто считает, что надо писать беспристрастно или бесстрастно, пусть не читает этот очерк. Я любил Бориса, я и сейчас горюю, что его нет с нами, что он ушел так рано. Он оставался остроумным, изобретательным, глубоким и веселым, добрым и активным до последних месяцев, когда трагически устало сердце. Борис Павлович не дожил до 60 лет.

Эти слова посвящены 75-летию со дня его рождения. А разве не могли мы посвятить их живому юбиляру? Сколько мог бы сделать Борис Павлович с его умом и талантом за эти 15 лет! Мы познакомились с ним в 1932 году в большой квартире Константиновых на ул. Малая Подъяческая в Ленинграде. Познакомила нас Варвара Павловна, Варя, моя будущая жена. Я узнал, что Борис – физик, что работает в Акустической лаборатории, так же как и я, – в Институте химической физики, работает, не имея высшего образования. Я узнал, что недавно он тяжело болел, тогда это называлось «порок сердца», что выходила и стала его женой Нина Николаевна Рябинина. К тому времени, когда я пришел в эту семью, родителей уже не было в живых. Отец умер в 1919 году.

Недавно в толстой книге «Весь Петроградъ, 1916 годъ» я нашел: «Константинов Павел Федосеевич, потомственный почетный гражданин, строительные подряды, Малая Подъяческая, дом 10».

В трудные годы братья и сестры оставались сплоченными, помогали друг другу жить, получить образование».

\*\*\*

Я продолжала собирать материал для будущей книги, следуя плану-графику интервью, которые я наметила взять у знаменитых коллег Бориса Павловича. По распределению обязанностей в нашей творческой группе на мою долю выпало посещение мест, где Константинов осуществлял свои новые идеи и проекты.

Для начала я полетела на юг, на Северный Кавказ, в станицу Зеленчукская, туда, где в 1966 году был установлен крупнейший в мире шестиметровый оптический телескоп. Создание астрофизической обсерватории было связано с работами Бориса Павловича и реализацией его совершенно новой астрофизической программы, здесь научные сотрудники под его руководством приступили к проверке и обсуждению его гипотез, связанных с исследованием космоса и поиском антивещества в околоземном пространстве.

Наконец удалось получить текст у президента Академии наук академика Анатолия Петровича Александрова, с приключениями, но в итоге папочка с его воспоминаниями была у меня. «Приключения» эти происходили в здании Президиума Академии наук.

Член-корреспондент АН СССР Олег Игоревич Сумбаев, как главный редактор книги, постоянно интересовался процессом подготовки издания. Он неоднократно приглашал меня к себе и расспрашивал о проблемах. Как-то я пожаловалась, что не могу попасть на прием к Александрову. Не сможет ли мне помочь и в этом Антонина Васильевна Зайцева? Сумбаев понимающе кивнул и сказал, что он с такой проблемой тоже сталкивался: несколько дней не мог попасть на прием к Анатолию Петровичу, но выход нашел.

– Я вам подскажу, как надо действовать, знаю проверенный способ! В главном здании академии перед мужским туалетом есть уютная курительная комната с диванами и креслами. Идите, садитесь и ждите, пока естественные надобности не приведут сюда Анатолия Петровича...

Я так и сделала. Когда Анатолий Петрович появился в курительной, я бросилась к нему и спешно изложила свою просьбу. Президент Академии наук оказался очень демократичным человеком, все понял и сказал:

– Завтра скажите референту, что я вам назначил!

На следующий день, когда я появилась в приемной президента, меня уже ждала тоненькая папочка. Этим текстом практически открывается книга А. П. Александрова «Борис Павлович Константинов».

«В молодости я работал в Ленинградском физико-техническом институте, у академика А. Ф. Иоффе. Это был прекрасный период в моей жизни – время удивительной увлеченности своим делом и в то же время удивительной жадности ко всему новому, огромной остроты восприятия. Все это в нас, молодых, воспитывал А. Ф. Иоффе. Семинары Физтеха, которыми долгие годы неизменно руководил А. Ф. Иоффе, привлекали всех интересовавшихся физикой из разных институтов и вузов Ленинграда, а часто и иногородних гостей или докладчиков. Самые различные области

физики обсуждались на них, и мы, молодые, могли спорить и спрашивать обо всем, высказывать свои соображения, на них высказывались неожиданные творческие идеи, открывались пути дальнейшего развития. Эти семинары были прекрасной школой, для каждого из нас. На всех физтеховских семинарах бывал радиофизик А. П. Константинов. Довольно часто появлялся его брат Борис Павлович, «Бобик», как мы его звали между собой. Он обладал живым умом и в самых различных областях физики был готов к творческому обсуждению».

\*\*\*

Оставалось встретиться с Георгием Николаевичем Флеровым.

Встреча состоялась в Дубне, в рабочем кабинете академика. Выглядел Флеров неважно: то ли это был отпечаток усталости, то ли болезни, не знаю. Я не стала настаивать, чтобы он написал воспоминания.

– Знаете, – сказал Георгий Николаевич, – чтобы ваш приезд ко мне не оказался безрезультатным, я вас сведу с очень интересным человеком. У меня и телефон его есть. Звоните ему и можете сослаться на меня.

И передал мне листок, на котором было написано: «Термен Лев Сергеевич (МГУ)».

Решив, что по ходу дела все станет ясно, утомлять Георгия Николаевича расспросами о Термене не стала. Было уже девять вечера, когда я начала звонить Льву Сергеевичу из номера академической гостиницы. Мне ответили, что следует звонить позже – Лев Сергеевич еще на работе. После десяти часов вечера беспокоить постеснялась. Утром тот же голос ответил, что Лев Сергеевич уже ушел на работу. Так продолжалось несколько дней, пока удалось назначить встречу. Лев Сергеевич определил время – восемь утра. Теперь главное не проспать!

Восьми еще не было, когда в холл гостиницы буквально влетел Лев Сергеевич Термен (а ведь ему, как выяснилось, было восемьдесят лет). Легкое пальто нараспашку, белая рубашка, галстук-бабочка. Энергично поздоровавшись, поинтересовался, чем обязан. Сославшись на рекомендацию академика Флерова, обратилась к нему с просьбой рассказать о дружбе с Константиновым. Доставая диктофон, я не подозревала, что через минуту начну записывать такую потрясающую жизненную историю, какой не слышала за все сорок лет журналистской практики! Но в книгу воспоминания Льва Сергеевича Термена не вошли – я опасалась, что его жизненная одиссея затмит образ главного героя, Бориса Павловича Константинова.

История жизни Льва Сергеевича косвенно связана с историей семьи Константиновых. Позволю себе воспроизвести по памяти подробности этого удивительного рассказа (ферромагнитная пленка, к сожалению, не выдержала срока давности и рассыпалась в моих руках).

«Старые физтеховцы, а я старый физтеховец, – уточнил Лев Сергеевич, – помнили Бориса Павловича еще мальчиком. В 1924 году (в тот год Борису едва исполнилось четырнадцать) в мою лабораторию радиотехники пришел работать Александр Константинов. Он привел с собой младшего брата, Бориса, которого я взял на должность электромонтера охранной службы. Он стал помощником у опытных сотрудников лаборатории. Область моих собственных интересов простиралась от радиофизики до музыки. Тому способствовали два моих высших образования: я имел диплом технического вуза и консерватории.

Итогом такого симбиоза явилось создание в лаборатории в 20-х годах, впервые в СССР, электромузыкального инструмента, который по прошествии времени стал известен под именем «терменвокс». Этот музыкальный электроинструмент в умелых руках мог звучать, как целый оркестр...»

Слава об изобретении распространилась довольно быстро. Через какое-то время Термен получил депешу из Кремля, в которой (несмотря на нездоровье Ленина), предлагалось продемонстрировать возможности нового прибора Владимиру Ильичу. Было известно, что Ильич глубоко любит и понимает музыку. Исполнив на терменвоксе «Лебедя» Сен-Санса, Термен рассказал о принципе, положенном в основу инструмента, о возможности использования для охранной сигнализации. И тут же провел демонстрацию: поставил на стол металлическую вазу, присоединил к ней устройство. Стоило приблизиться к вазе, как раздавался тревожный сигнал. В наши дни такое приспособление уже не диво, но тогда, на заре развития радиотехники, в 1922 году, это выглядело интересно и ново.

Владимир Ильич, всегда ценивший возможность использования открытий ученых на практике, обратился к академику А. Ф. Иоффе с просьбой оборудовать такой сигнализацией хранилища Госбанка. Иоффе дал согласие: работа сулила институту добавочные средства, в которых он нуждался. В связи с этим в Физтехе была организована охранная служба, которая занималась установкой новой сигнализации. С ее монтажа и началась работа Бориса Павловича в лаборатории Термена.

Скоро юным монтером заинтересовались старшие сотрудники лаборатории. Они убедились, что у него не только золотые руки, но и светлая голова. Вскоре Константинов стал препаратором в лаборатории профессора Д. А. Рожанского, который в 30-х годах создал советскую радиолокационную систему.

А что же сам Лев Сергеевич Термен? Он стал разъезжать с концертами по городам и весям советской России. Концерты на терменвоксе проходили с таким успехом, что у кого-то в руководстве страны появилась идея послать его с выступлениями за границу. Правда, одновременно Термен должен был выполнять и секретную оперативную работу, а для этого желательно, чтобы за границу выехала почтенная супружеская пара.

Термен знакомится со старшей сестрой своего сотрудника Константинова, Екатериной. После свадьбы молодые выезжают сначала в

Англию, потом их встречает Париж. Французская печать отмечала, что «Гранд-опера» давно не видела такого наплыва публики, как на концерте русского ученого, и что на долю музыкантов уже очень давно не выпадало столь блестящего успеха. Следующей страной, в которой оказались Лев Сергеевич и Екатерина Павловна, стала Америка. Здесь оперативная работа у Льва Сергеевича осложнилась: для решения поставленных задач Москва выделила значительную сумму в валюте для покупки просторного дома. На первом этаже была устроена автомастерская (сюда приходили нужные люди, приносили сведения о новинках западной техники), а на втором Термен открыл музыкально-танцевальные классы. И здесь опять помогло его необычное образование.

Но семья распалась. После развода с Екатериной Термен, по требованию московского руководства, должен был жениться на негритянской танцовщице. На Родину он вернулся в тридцатые годы один. Екатерина Павловна оставалась в Америке до глубокой старости, умерла в доме для престарелых. (Это обстоятельство в советское время осложняло жизнь Константинову при оформлении официальных биографических документов.)

Лев Сергеевич покинул Новый Свет на теплоходе «Старый большевик», где числился помощником капитана по политической части. По прибытии в Ленинград устроился на радио аккомпаниатором. Однажды ночью по тревожному звонку его вызвали в Москву. Льва Сергеевича арестовали прямо в здании гостиницы «Москва», куда его поначалу поселили. Затем этап, пять лет поселения на Колыме. Термен строил на севере дорогу. Спасала самодеятельность, которую он организовал в лагере.

Вернулся в Москву после 1953 года, на работу его никуда не брали. На момент нашей встречи он работал токарем шестого разряда на биологическом факультете МГУ. Как я сумела убедиться, работал очень много! Испытания не сломили его, веселый нрав и жизнелюбие стали его визитной карточкой на этой земле.

Термен прожил долгую жизнь. Он скончался, когда ему уже было за девяносто!

\*\*\*

Работа над книгой все больше захватывала. Все, к кому я обращалась за помощью, живо откликались. И лишь два момента стали исключением. Первый – посещение химического комбината на Каме. Это чрезвычайно секретное предприятие было создано по инициативе Бориса Павловича в начале пятидесятых годов. Когда я туда приехала, гриф «секретно» все еще стоял на многих документах, хотя с момента создания комбината прошло более двух десятков лет.

Работа по сбору материала на комбинате должна была начаться с беседы с заместителем директора по режиму. Когда я оказалась в кабинете высокого начальника, поразила стерильная чистота на его красного дерева

письменном столе: ни пылинки, ни соринки, ни бумажки – ничего! Замдиректора хитро улыбнулся, но глаза оставались колючими. Сразу заявил, разводя руками, как бы сожалея:

– Извините, но говорить с вами не могу. Вот когда снимут гриф секретности, тогда и приезжайте!

Больше попасть на Каму мне не довелось...

---

Момент второй. В дом к академику Обреимову меня направил Моисей Александрович Марков, академик, секретарь Отделения ядерной физики АН СССР.

– Идите, идите, – советовал он мне. – Обреимовы живут рядом, на Ленинском проспекте.

Здесь, недалеко от Октябрьской площади, были построены после войны дома для ученых. Я хорошо знала этот район Москвы и дом Обреимовых нашла быстро.

На площадке девятого этажа, перед дверью квартиры академика, стоял маленький стол, на нем большая книга для записей посетителей. Я раскрыла чистую страницу и оставила запись, что весной 1976 года академика Обреимова посетила журналистка из Ленинграда Колесникова Л. А.

Раздался мелодичный звонок, дверь открылась, и на пороге меня встретила полная пожилая женщина. Удостоверившись, что я оставила запись в «амбарной книге», любезно пригласила меня зайти. В центре просторного холла на столе громоздилась большая клетка, на жердочке сидел роскошный длиннохвостый попугай ара, говорящий. Хозяйка поздоровалась со мной, потом уселась напротив клетки и, обращаясь к птице, громко и внятно произнесла:

– Арча, видишь, кто к нам пришел? Журналистка к нам пришла!

Попугай нахохлился и старательно повторил:

– Жур-р-р-налистка!

Я проговорила с супругой академика около трех часов, но так и не смогла узнать что-либо о Константинове. Хозяйка, коротавшая время с попугаем, выложила мне все семейные новости, связанные с недавней свадьбой ее дочери и старшего сына академика Капицы Андрея. Чувствовалось, что появление в семье новых знаменитых родственников так ошеломило ее, что сдерживать эмоции не было сил! Не получив нужной мне информации, через три часа я ушла...

---

\*\*\*

...Работа над книгой походила к концу. Посчастливилось ознакомиться с письмами Бориса Павловича, адресованными жене. Несколько раз мы встречались с Ниной Николаевной в их квартире на Мориса Тореза. (Этот многоквартирный дом в народе часто называли Пентагоном из-за

необычного, в виде бублика, фасада.) Любящий, заботливый муж и отец – таким представал Константинов в своих письмах.

Познакомилась я и с сыновьями Бориса Павловича, Александром и Володей. Александр (его чаще в доме называли Шуркой) внешне был очень похож на отца – та же улыбка и доброжелательность. Во внешности Володи больше было от матери, все в нем выдавало породу Семеновых (его дядя, академик Николай Николаевич Семенов, был выдающимся ученым-химиком, лауреатом Нобелевской премии).

Помню первый же вопрос Володи:

– А кто вам поручил, – строго спросил, – писать книгу о моем отце?

– Дирекция института, – слукавила я, не хватило смелости сознаться, что это моя идея.

Зато Нина Николаевна и Александр приняли меня сразу.

Моя работа была завершена, был собран большой материал о Константинове. Но вот эти встречи с семьей Бориса Павловича вспоминаются особо. И то, что мне были доверены письма, столь личные...

Научное сообщество Санкт-Петербурга и Москвы отмечает 100-летие со дня рождения академика Бориса Павловича Константинова, чей вклад в отечественную науку и технику неоценим. Время идет вперед, многое меняется. Документы, ранее засекреченные, ждут своих исследователей. Вероятно, на этом пути еще будут удивительные открытия, а может, и сенсации.